

О понятиях всеобщая — всемирная — глобальная история: источниковедческий аспект

Румянцева М.Ф.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва (Россия)*

В XX столетии процесс глобализации выявил недостаточность европоцентричной «всеобщей истории» и стимулировал поиск методов выхода за ее пределы и реализации проектов «всемирной истории»/«глобальной истории».

Цель статьи — эксплицировать теоретические ограничения реализации проекта «всемирной»/«глобальной» истории и предложить методологию компаративного источниковедения как подход к ее конструированию.

Материал и методы. *В работе дан анализ понятий «всеобщая история», «всемирная история», «глобальная история» в современной исторической науке; в контексте теории исторического процесса проанализированы границы понятия «всеобщая история». Методологическую основу исследования составляет феноменологическая концепция источниковедения.*

Результаты и их обсуждение. *Обоснованы границы «всеобщей истории», территориально охватывающей «духовную Европу» (термин Э. Гуссерля), хронологически — период от рубежа VII–VI вв. до н.э. до середины XX в. Соответственно поставлен под сомнение проект «экстенсивного» расширения «всеобщей истории» до «всемирной»/«глобальной» истории за счет преодоления европоцентризма. Продемонстрированы возможности построения «глобальной истории» на основе компаративного источниковедения — метода сравнительно-исторического исследования, базирующегося на осмыслении основной классификационной единицы источниковедения — вида исторических источников как репрезентации форм социальной деятельности, совокупность которых составляет историю общества. В основе метода — неоклассическая феноменологическая концепция источниковедения, концептуально восходящая к русской версии неокантианства, акцентированного внимание на эмпирическом объекте исторического познания — историческом источнике. Развитие представлений об объекте от исторического источника к системе видов исторических источников и к универсальному понятию «эмпирическая реальность исторического мира» (О.М. Медушевская) позволило предложить метод конструирования «глобальной истории».*

Заключение. *Построение «всемирной»/«глобальной» истории возможно в неклассической и постнеклассической моделях науки как нарратив, подчиненный воле историка, в неоклассической модели науки — как компаративное исследование, опирающееся на экспликацию структуры глобального эмпирического объекта — эмпирической реальности исторического мира.*

Ключевые слова: *всеобщая история, всемирная история, глобальная история, исторический нарратив, сравнительно-историческое исследование, неоклассическая модель науки, русская версия неокантианства, компаративное источниковедение.*

(Ученые записки. — 2016. — Том 22. — С. 15–20)

The Concepts of General History — Universal World History — Global History: Source Studies Aspect

Rumyantseva M.F.

National Research University «Higher School of Economics», Moscow (Russia)

In the XX century the process of globalization has revealed the insufficiency of the Eurocentric General History and stimulated the search for methods going beyond its limits and implementation of the projects Universal World History/Global History.

The aim of the study is to explicitate theoretical limits of the project Universal World History/Global History and to propose a methodology of comparative study as the approach to its design.

Material and methods. *The study is based on the analysis of the concepts of General History, Universal World History, Global History in the contemporary science of history; within the context of the theory of historical process boundaries of the concept of General History are analyzed. The methodological basis of research is the phenomenological concept of source study.*

Findings and their discussion. *Boundaries of General History are justified, which geographically covers the «spiritual Europe» (Husserl's term), and chronological period from the turn of VII–VI centuries BC to the mid XX century. Respectively the project of extensive expansion of General History to Universal World/Global History by overcoming Eurocentrism has been questioned. Possibilities are presented of shaping Global History on the basis of comparative source studies, the method of historical research based on a theoretical understanding that the main unit of classification of sources — genus of historical sources — represents the forms of social human activity — the history of society. The method is based on neo-classical phenomenological concept of source*

studies, which conceptually stretches back to the Russian version of neo-Kantianism, the specificity of which was special attention to the empirical object of historical knowledge — historical source. The development of ideas about the object from a historical source to the system of types of historical sources and then — to the universal concept of «empirical reality of the historical world» (O.M. Medushevskaya) allowed to propose on this basis a method of constructing Global History.

Conclusion. *The construction of Universal World/Global History is possible in nonclassical and postnonclassical models of science as narrative, dependent on the will of the historian, while in the neoclassical model of science — as a comparative study, based on the explication of the structure of global empirical object, empirical reality of the historical world.*

Key words: *General History, Universal World History, Global History, historical narrative, comparative historical research, neoclassical model of science, Russian version of neo-Kantianism, comparative source study.*

(Scientific notes. — 2016. — Vol. 22. — P. 15–20)

В последнее время, с начала XXI в., наряду с давно привычным понятием «всеобщая история» все чаще звучит понятие «всемирная история». Достаточно упомянуть проведенную в сентябре 2016 г. Институтом всеобщей истории РАН масштабную международную конференцию «Всемирная история и новые вызовы исторической науки: национальные, транснациональные и интернациональные подходы» (<http://igh.ru/events/the-world-history-and-new-challenges-of-historical-science-national-transnational-and-international-approaches?locale=ru>). Набирает популярность проект «глобальной истории». Не претендуя на анализ этой тенденции с полномасштабным привлечением методологии одного из актуальных направлений современной интеллектуальной истории — *истории понятий*, отметим — на уровне здравого смысла — формирование новых терминов не может не фиксировать новые явления в историческом познании. Другое дело, каковы причины и, что еще более существенно, какова глубина этих трансформаций?

Цель статьи — эксплицировать теоретические ограничения реализации проекта «всемирной»/«глобальной» истории и одновременно предложить методологию сравнительного источниковедения как один из возможных подходов к ее конструированию.

Материал и методы. В работе реализуются три подхода с привлечением соответствующего им материала. Во-первых, дан анализ понятий «всеобщая история», «всемирная история», «глобальная история», как они представлены в изданном в 2014 г. и переизданном в 2016 г. Институтом всеобщей истории РАН терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки», в котором, на наш взгляд, зафиксирована актуальная интерпретация этих понятий.

Во-вторых, в контексте теории исторического процесса проанализированы границы понятия «всеобщая история» с привлечением классических научных трудов по теории истории — от Г.В.Ф. Гегеля и К. Маркса—Ф. Энгельса, Э. Гуссерля и К. Ясперса до Ф. Фукуямы, Ю.М. Лотмана, П. Хаттона и П. Нора.

В-третьих, методологическую основу работы составляет феноменологическая концепция источниковедения, восходящая к русской версии неокантианства и в настоящее время развиваемая Научно-педагогической школой источниковедения — сайт Источниковедение.ru [1].

Результаты и их обсуждение. В упомянутом выше терминологическом словаре «Теория и методология исторической науки» вместо статьи «Всемирная история» (а это понятие в словаре зафиксировано) содержится лишь отсылка к статье «Всеобщая история» [2, с. 57–65], которая определяется, в первую очередь, как «историописание особого типа, которое качественно отличается от повествований об истории отдельных народов и имеет своим предметом общий ход (исторический процесс) развития человечества, для которого характерны закономерности, проявляющиеся в истории всех народов» [2, с. 57]. Правда, в самой статье предпринята попытка развести использование этих терминов в советской и российской постсоветской историографии: автор отмечает, что в советской историографии и практике преподавания истории «всеобщая история» — это часть всемирной истории «за вычетом истории народов СССР», а в постсоветской — «понятие “всеобщей истории” чаще всего употребляется применительно к истории зарубежных стран, в отличие от понятия “всемирная история”, которое относится к истории всего мира в целом, включая Россию...» Кризис проекта традиционной «всеобщей истории» автор словарной статьи связывает с критикой на протяжении XX в. европоцентризма и возникновением на рубеже XX–XXI вв. «“новой мировой истории” и глобальной истории, опирающихся на принцип целостности с учетом различий и многообразия» [2, с. 63]. В том же терминологическом словаре «глобальная история» определяется как «направление исторической науки, возникшее в конце XX в. как ответ на вызов процесса глобализации, из-за неудовлетворенности традиционной “всеобщей историей” и стремления преодолеть ограниченную практику национально-государственной истории» [2, с. 80–82].

Мы видим, что становление и понятия «всемирная история», и понятия «глобальная история» связывается с выходом за пределы национально-государственной истории и преодолением европоцентризма. Согласимся скорее со вторым, чем с первым: если в условиях глобализации европоцентричная «всеобщая история» явно перестает отвечать потребностям социума, то «национально-государственная история» выступает практически как синоним понятия «отечественная история» [см.: 2, с. 350] и является *социально ориентированным историописанием*, обеспечивающим, в первую очередь, формирование идентичности [подробнее см.: 3, с. 525–559]. Такое разделение «всеобщей» и «отечественной истории» закреплено, главным образом, в практике преподавания истории (что, на наш взгляд, оправдано, особенно в средней школе), но также оно законсервировано и в практике присвоения ученых степеней высшей квалификации — это различие ВАК, причем строгое, специальностей 07.00.02 — «отечественная история» и 07.00.03 — «всеобщая история», что, по нашему мнению, явный анахронизм и создает ненужные проблемы, в частности при изучении истории постсоветского пространства.

Представляется, что подходы, зафиксированные в терминологическом словаре, изданном ИВИ РАН (а мы не можем не признать авторитета этого издания), говорят скорее об ощущении недостаточности традиционной «всеобщей истории», не отвечающей на вызовы глобализации, и о поиске новых подходов, чем о четком понимании содержания понятий «всемирная история» и «глобальная история».

Итак, стремление, преодолевая европоцентризм, раздвинуть пространство «всеобщей истории» до истории «всемирной»/«глобальной» очевидно. Но где границы традиционной «всеобщей истории»? Не определив их, невозможно за них выйти. В настоящей работе мы рассматриваем понятие «всеобщая история» и, соответственно, вопрос о возможности реализации проектов «всемирной истории» и/или «глобальной истории» только с одного ракурса — *историографического*. При этом принципиально важно подчеркнуть, что в основе нашего анализа, как уже было отмечено выше, — *феноменологическая концепция историографического познания*, специфика которой в акцентировании внимания на эмпирической основе исторического познания. И именно этот фактор определяет ее принадлежность к *неоклассической модели науки*.

Но начнем с актуализации теории исторического процесса Э. Гуссерля, компактно изложенной в прочитанном им в Вене в 1935 г. и

опубликованном в виде статьи только в 1954 г. докладе «Кризис европейского человечества и философия» [4]. Концепция ученого весьма радикальна по содержанию: знаменитый немецкий феноменолог распространяет понятие «история» («исторический процесс») в пространстве исключительно на так называемую «духовную Европу» (Западная Европа и Соединенные Штаты Америки как ее порождение), а во времени — начинает с рубежа VII–VI вв. до н.э., со времени возникновения философии в Древней Греции, и констатирует ее кризис в 30-е гг. XX в., что и явствует из названия доклада. Можно было бы воспринять некоторые размышления Э. Гуссерля даже как экстремистские (например: «...если человек, и даже папуас, представляет собой новую по сравнению с животными ступень одушевленности, то философский разум [свойственный, по мнению ученого, исключительно европейскому человечеству. — М.Р.] является новой ступенью человечества и его разума» [4, с. 119]), но в защиту Э. Гуссерля следует подчеркнуть, что весь пафос его доклада нацелен на критику именно «европейского человечества» и его «философского разума».

Конечно, можно было бы квалифицировать эту концепцию, явно маргинальную по отношению к основному направлению философских усилий Э. Гуссерля, как интеллектуальный казус, расценить ее как некую «шутку гения», если бы эти построения не вписывались совершенно органично в интеллектуальный ряд: с одной стороны, Г.В.Ф. Гегель, разделивший народы на «исторические» и «неисторические» [5, с. 126–127 и след.], и даже К. Маркс–Ф. Энгельс, рассматривавшие «всю историю <...> как историю борьбы классов» (Манифест коммунистической партии), т.е. фактически, как и Гегель, привязавшие ее к периоду существования государства, и далее — концепция «конца истории» (Френсис Фукуяма, 1989); с другой стороны, К. Ясперс с его теорией «осевого времени» [6], и уже в конце XX в. — такие разные, принадлежащие к различным национальным традициям исторического познания авторы, как француз П. Нора, англичанин П. Хаттон и советский культуролог Ю.М. Лотман, которые определяют границы истории через проблему социальной памяти. П. Нора пишет о «деколонизации <...> малых народов, <...> кто обладал сильным капиталом памяти и слабым капиталом истории» [7, с. 18]. П. Хаттон разделяет память-повторение (традиционная) и память-воспоминание (историческая) [8, с. 23 и след.]. Для избранного нами историографического ракурса рассмотрения проблемы в концепции П. Хаттона важен акцент на смене типов/«технологий» коммуникации, обсу-

живавших разные типы социальной памяти. И хотя П. Хаттон осторожно замечает: «было бы преувеличением сказать, что отсчет истории связан с появлением письменности...», — далее он констатирует: «...до возникновения рукописной культуры знание о прошлом передавалось, главным образом, через устные традиции, которые постоянно обновляли прошлое в соответствии с обстоятельствами настоящего <...> Рукописная культура <...> оказала мощное содействие экстерниоризации коллективной памяти <...> сообщения о прошлом, представленные в письменном тексте, становились мнемоническими местами, неподвижными симулякрами, бывшими в состоянии, тем не менее, воодушевлять отдельные воспоминания, которые нам и пришлось называть историей» [8, с. 24–25]. Отметим также, что П. Хаттон четко выделяет внутри письменной культуры возникновение книгопечатания как фактор перехода от средневековья к новому времени и, — что принципиально важно, — появление «электронной культуры» как фактор, если и не предопределивший «конец истории», то существенно трансформировавший ее основы: компьютерные технологии, по мнению П. Хаттона, кардинально видоизменяют связь между *памятью* и *историей*, за счет легкости экспликации многочисленных контекстов они разрушают «связь между особыми мнемоническими местами и отдельными воспоминаниями», а это, в свою очередь, ведет к тому, что «историки сегодня говорят не столько о пробуждении прошлого, сколько об использовании его» [8, с. 26].

Но наибольший интерес для рассмотрения проблемы «всеобщей истории» представляет построение Ю.М. Лотмана, которые разделил народы по типу социальной памяти на *письменные (исторические)* и *бесписьменные (традиционные)* [9]. Ученый характеризует исторический тип социальной памяти как казуальный по содержанию и в силу этого — письменный по механизму фиксации и утверждает: «Для письменного сознания характерно внимание к причинно-следственным связям и результативности действий <...> С этим же связано и обостренное внимание к времени и, как следствие, возникновение представления об истории. Можно сказать, что *история* — один из побочных результатов возникновения письменности [выделено нами. — М.Р.]» [9, с. 346].

Если выстроенная выше интеллектуальная традиция от Г.В.Ф. Гегеля до П. Нора, П. Хаттона и Ю.М. Лотмана не убеждает, то добавим еще два, причем трудно оспори- мых, аргумента — из педагогической и исследовательской практики. Всем хорошо из-

вестно, что рамки дисциплины «всеобщая история» в средней школе, да и во многом в вузе, и хронологически, и территориально совпадают с границами истории, обозначенными наиболее радикальной из упомянутых выше концепций — Э. Гуссерля. Правда, в системе высшего исторического образования к «всеобщей истории» в этом понимании были постепенно добавлены такие дисциплины, как «История стран Азии и Африки» и, что абсолютно соответствует концепции К. Ясперса, — «История стран Центральной и Юго-Восточной Европы», что, на наш взгляд, скорее подтверждает, чем опровергает границы истории/«всеобщей истории». С другой стороны, — источниковедческий аргумент: классическая формула Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса «история пишется по документам» хотя и подверглась критике представителями Школы «Анналов», но опровергнута так и не была: история ведь действительно пишется по документам/*письменным историческим источникам*. Для того чтобы в этом убедиться, достаточно заглянуть в научно-справочный аппарат любого исторического исследования.

Итак, если принять концепцию Э. Гуссерля и ее теоретико-исторический контекст в качестве отправной точки рассуждений о понятии «всеобщая история» и возможности расширения ее рамок до понятий «всемирная история»/«глобальная история», то мы неизбежно логически придем к промежуточному выводу: «всемирная»/«глобальная» история невозможна, поскольку история как наука описывает/интерпретирует/репрезентирует (воспользуемся здесь терминологией предложенной Ф.Р. Анкерсмитом модели смены «словарей» исторической науки [10, с. 213–258]) историю как процесс; соответственно, применительно к тем локусам, где исторический процесс как таковой не разворачивался, неприменимы и описание/интерпретация/репрезентация истории.

Или все-таки применимы? Вероятно, что «всемирная история» если и возможна, то, в первую очередь, как глобальный нарратив. Нарратив может рассматриваться как «соединение дескрипции и объяснения» [11, с. 222], может — как способ «интерпретации значения исторических явлений» [10, с. 217–223]. Но при любом подходе невозможно не согласиться с тем, что нарратив не верифицируем (Х. Уайт, П. Вен, Ф.Р. Анкерсмит и др.). Вполне очевидно, что выстраивание «всемирной истории» в русле нарративной логики историописания консервирует в историческом познании неклассическую модель науки, уже давно, как минимум с 60-х годов XX в., не отвечающую потребностям соци-

ума. Соответственно трудно не солидаризироваться с размышлением А. Мегилла (в связи с проблемой фрагментации научного исторического знания): «Каждые несколько лет выдвигаются предложения того или другого нового синтеза. Давайте, однако, быть начеку, все призывы к синтезу — это *попытка навязать интерпретацию* [выделено нами. — М.Р.]» [11, с. 256–257].

Свой вариант решения проблемы «всемирной истории», но уже с позиций *неоклассической науки*, предлагает упомянутая выше *феноменологическая концепция источниковедения*, прошедшая в течение XX в. путь от структурной составляющей методологии истории, через конституирование дисциплинарного статуса (с конца 1930-х — в 1950-е гг.), к оформлению в самостоятельное научное направление (в последние десятилетия XX в.).

Отправная точка расхождения неклассической и неоклассической моделей исторической науки — концептуальные различия баденского и русского неокантианства: если баденцы сосредоточились исключительно на проблеме логики исторического построения (именно различием логики построения понятий, а не объекта изучения объясняли В. Виндельбанд и Г. Риккерт различия наук о природе как номотетических и наук о культуре как идиографических [см.: 12]), то русские неокантианцы, и в первую очередь основоположник русской версии неокантианства А.И. Введенский, автор трактата «О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики» [13], сосредоточили внимание на обосновании эмпирического объекта гуманитарного познания. А.С. Лаппо-Данилевский выделил в структуре методологии истории самостоятельную часть — методологию источниковедения, обосновав понятие исторического источника в качестве эмпирического объекта исторического познания [14, с. 19–395]. Но если в точке начала расхождения неклассической и неоклассической моделей источниковедения эмпирический объект исторической науки — исторический источник понимался как «реализованный продукт человеческой психики...» [15, с. 38], а историческое построение вполне подчинялось логике нарратива (несмотря на усилия А.С. Лаппо-Данилевского по созданию оригинальной концепции в этой области [15, с. 395–542]), дальнейшее развитие концепции шло по линии усложнения представлений об объекте: от исторического источника к системе видов исторических источников, целостно репрезентирующей определенную социокультурную общность, и к универсальному понятию «эмпирическая

реальность исторического мира», обоснованному О.М. Медушевской в работах, опубликованных в 2008 г. [15; 16].

Именно наличие исторического источника в качестве самостоятельного объекта изучения способствовало конституированию источниковедения как дисциплины (субдисциплины) исторической науки [о понятии дисциплины/субдисциплины см.: 2, с. 93–94], а обоснование в качестве объекта источниковедения системы видов исторических источников позволило рассматривать его как самостоятельное научное направление, т.е. особый ракурс изучения исторической реальности [2, с. 311–312], что и легитимизирует претензию источниковедения на оригинальный вариант выстраивания «всемирной»/«глобальной» истории.

Расхождение неклассической и неоклассической привело к тому, что в начале XXI в. О.М. Медушевская сочла возможным противопоставить нарративную логику историописания, рефлексия которой и была осуществлена в Баденской школе неокантианства, концепции истории как строгой науке, имеющей в основе концепцию источниковедения А.С. Лаппо-Данилевского [16, с. 15–16]. Мы, вслед за О.М. Медушевской (правда, не во всем с ней соглашаясь), противопоставляем нарративной логике выстраивания «всемирной истории» логику сравнительно-исторического исследования, строгий, эмпирически фундированный метод которого предлагает *компаративное источниковедение*, базирующееся на теоретическом осмыслении положения, что основная классификационная единица источниковедения — вид исторических источников — репрезентирует объединенные единством целеполагания определенные формы социальной деятельности человека, совокупность которых составляет историю общества [2, с. 226].

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что построение «всемирной»/«глобальной» истории, если вообще возможно, то возможно — в *неклассической и постнеклассической моделях науки* — как нарратив, подчиненный воле историка (оставим за границами рассмотрения степень вольности этой воли, равно как и факторы ее «дисциплинирования <...> и возвышения <...> до субъективной свободы» — Г.В.Ф. Гегель), но и — в *неоклассической модели науки* — как компаративное исследование, опирающееся на экспликацию структуры глобального эмпирического объекта — эмпирической реальности исторического мира. Дополнительные возможности в рамках источниковедческой концепции создают визуальный и «вещный» повороты в историческом познании, позво-

ляющие/заставляющие вовлечь в рассмотрение визуальные и вещественные источники, имеющие более универсальный характер, нежели письменные, имманентно связанные с историческим типом культуры и, соответственно, понятием «всеобщей истории».

Литература

1. Источниковедение.ru [Электронный ресурс]: страница Науч.-пед. школы источниковедения / А.А. Бондаренко [и др.]; Науч.-пед. школа источниковедения. — Электрон. дан. — [М. : Б. и.], сор 2010—2016. — Режим доступа: <http://ivid.ucoz.ru/>, свободный. — Дата доступа: 23.11.2016.
2. Теория и методология исторической науки: терминологический словарь / отв. ред. А.О. Чубарьян, Л.П. Репина; РАН. Ин-т всеобщей ист. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Аквилон, 2016. — 543 с.
3. Источниковедение: учеб. пособие / И.Н. Данилевский [и др.]; отв. ред. М.Ф. Румянцева; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 685, [3] с.
4. Гуссерль, Э. Кризис европейского человечества и философия // Э. Гуссерль. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. — Новочеркасск: Агентство САГУНА, 1994. — С. 101—126.
5. Гегель, Г.В.Ф. Лекции по философии истории / Г.В.Ф. Гегель; пер. А.М. Водена. — СПб.: Наука, 1993. — 479 с.
6. Ясперс, К. Истоки истории и ее цель // К. Ясперс. Смысл и назначение истории / К. Ясперс. — М.: Политиздат, 1991. — С. 27—286.
7. Нора, П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти / П. Нора // Франция—память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. — С. 17—50.
8. Хаттон, П. История как искусство памяти: пер. с англ. / П. Хаттон. — СПб.: Владимир Даль, 2003. — 423 с.
9. Лотман, Ю.М. Альтернативный вариант: бесписьменная культура или культура до культуры? // Ю.М. Лотман. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера / Ю.М. Лотман. — М.: «Языки русской культуры», 1996. — С. 344—356.
10. Анкерсмит, Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры / Ф.Р. Анкерсмит. — М.: Прогресс-Традиция, 2003. — 492 с.
11. Мегилл, А. Историческая эпистемология / А. Мегилл. — М.: «Канон+» РОИИ «Реабилитация», 2007. — 479 с.
12. Риккерт, Г. Философия истории // Г. Риккерт. Науки о природе и науки о культуре. — М.: Республика, 1998. — С. 129—204.
13. Введенский, А.И. О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики / А.И. Введенский. — СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1892. — 119 с.
14. Лаппо-Данилевский, А.С. Методология истории: в 2 т. / А.С. Лаппо-Данилевский. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. — Т. 2. — 631 с.
15. Медушевская, О.М. Эмпирическая реальность исторического мира / О.М. Медушевская // Вспомогательные исторические дисциплины — источниковедение — методология истории в системе гуманитарного знания: материалы XX Междунар. науч. конф., Москва, 31 янв. — 2 февр. 2008 г.: в 2 ч. / Рос. гос. гуманитар. ун-т. — М., 2008. — С. 24—34.
16. Медушевская, О.М. Теория и методология когнитивной истории / О.М. Медушевская. — М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2008. — 357 с.

Поступила в редакцию 28.11.2016 г.